

Малинкин Александр Николаевич
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
lo_zio@bk.ru

Концептуальные проблемы историографии отечественной социальной мысли

Аннотация. Предметом исследования являются концептуальные проблемы историографии отечественной социальной мысли – проблемы, возникающие при осмыслении мировоззренческих принципов, лежащих в основе концепции российской социальной мысли. Они выражаются в трех взаимосвязанных вопросах: «в чем состоит наше наследие?», «что мы знаем о российской социальной мысли?», «как социология соотносится с историей социологии?». Автор предлагает свои ответы на эти ключевые вопросы с позиции философской социологии в критической и дискуссионной форме.

Ключевые слова: история социологии; отечественная социальная мысль; концептуальные проблемы историографии; мировоззренческие принципы; философская социология; социология знания

Malinkin Alexander Nikolayevich
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russian Federation
lo_zio@bk.ru

Conceptual problems of historiography of domestic social thought

Abstract. The subject of the study are conceptual problems of historiography of domestic social thought – problems that arise when comprehending worldview principles underlying the concept of Russian social thought. They are expressed in three interrelated issues: “What is our heritage?”, “What do we know about Russian social thought?”, “How does sociology relate to the history of sociology?”. The author offers his answers to these key questions from the position of philosophical sociology in a critical and debatable manner.

Keywords: history of sociology; domestic social thought; conceptual problems of historiography; worldview principles; philosophical sociology; sociology of knowledge

Первая проблема, с которой сталкивается каждое историческое исследование российской социальной мысли, выражается вопросом «*в чем состоит наше наследие?*». Чтобы ответить на него, надо выявить принципы, лежащие в основе отбора того, что именно будет квалифицировано как «наследие российской социальной мысли». Вообще говоря, нельзя исключать такую позицию, в свете которой у нас нет никакого наследия, а то, что им называют, – всего лишь просроченные интеллектуальные продукты, не пригодные к употреблению. Мы далеки от такого взгляда. Обращаясь к нашему историческому прошлому, мы исходим из того, что наследие российской социальной мысли существует и что его осмысление может быть полезно нам сегодня. Сам выбор темы исследования, тем более определение критериев отбора исторического материала, как справедливо указывал Г. Риккерт, предполагают

«отнесение к ценности» – к той актуальной для исследователя культурной ценности мировоззренческого характера, которую он может и не осознавать, руководствуясь ею безотчетно. Оснований думать, что дело обстоит как-то иначе, у нас нет. Остается лишь осознать и сформулировать те мировоззренческие принципы, которые мы кладем в основу исторического исследования российской социальной мысли. Это, прежде всего, (1) патриотизм и (2) единство российско-имперской, советской и новой российской истории – как реальной, так и истории идей.

1. Не подменяя собой профессиональную компетентность, патриотизм влияет на мотивацию нашей работы, определяя идеальную цель: *историческое исследование эволюции российской социальной мысли должно содействовать её возрождению и расцвету*. Ценностно-мировоззренческая позиция патриотизма, понимаемого как любовь к родине, не исключает беспристрастного, честного, объективного взгляда на вещи. В этом смысле, мы считаем возможным говорить о российской социальной мысли как об «отечественной». Подлинный патриотизм далек от слепого фанатизма, он не исключает, а предполагает критичность мышления. Он не блокирует то, что М. Вебер называл «интеллектуальной честностью», а, наоборот, мобилизует её, заставляя признавать «горькую правду» истории.

Заметим, что М. Вебер писал об «интеллектуальной честности» и «свободе от оценок», имея в виду, в первую очередь, *преподавателя-профессора*, вещавшего с кафедры студентам, которые не смели ему возражать, и лишь во вторую очередь – социолога-исследователя [Вебер, 1990: 549]. Да и «свободу от оценок», за которую ратовал М. Вебер, не надо путать со свободой от «отнесения к ценностям», в смысле Г. Риккерта. Последний отвергал мнимую свободу от ценностей в социально-историческом познании как *иллюзию*. М. Вебер же писал об «интеллектуальной честности» с *трагически-героическим* пафосом потому, что ориентировался на сциентистский эпистемологический идеал: он отказался принимать какую-либо ценностно-мировоззренческую позицию и исключил философию из своей социологической доктрины. Тем самым он поставил в ложное и одновременно сложное положение самого себя и социологов, к которым обращался, а именно бросил их на произвол судьбы, оставив один на один со своими «демонами» [Вебер, 1990: 735]. Между тем, используемые им термины «интеллектуальная честность», «интеллектуальная добросовестность» – *этические* понятия, а, стало быть, предполагают определенную систему ценностей. Она может быть понята адекватна лишь в более широком культур-философском контексте, в котором *трагический героизм кантовской секуляризованной этики долга* не обязательно принимать за единственно правильную ценностно-мировоззренческую позицию, тем более – за единственно возможную.

Для исследователя, искренне любящего родину и занимающего активную гражданскую позицию, неприемлема «ложь во благо». Ею руководствуются карьерно ориентированные конформисты – лицемерные сторонники «казенного патриотизма». Соккрытие правды, неуютной для начальства или высшего руководства, замалчивание

исторических фактов, их тенденциозное толкование» якобы в интересах государства или общества, – все это имеет мало общего с подлинным патриотизмом.

Вместе с тем, также неприемлемо для нас видение российских исторических и общественных реалий *только* глазами западных коллег. Это гуманитарное протезирование вызывает, по меньшей мере, недоумение: неужели наши собственные глаза видят нашу социокультурную реальность так плохо, что при всем желании им нельзя доверять? Сегодня, как и вчера, борьба с подменой *первоисточника* умственного зрения в сфере социальной мысли чрезвычайно актуальна. Это и не удивительно. Сто лет назад мы взяли за образец мысли, действия и жизни всей страны самую передовую и влиятельную западную доктрину, объясняющую ход мировой истории и устройство любого общества. Мы приняли её, словно благословенный дар, который, как мы поначалу верили, поможет нам не только «догнать и перегнать» Запад, но и откроет светлое будущее для всего человечества. Не в западную ли привела нас вестернизация социальной мысли? Не потому ли мы до сих пор лишены иммунитета от некритического заимствования западных доктрин?

2. Мы исходим из *постулата-гипотезы о непрерывности и целостности отечественной истории*, иначе говоря, из единства её российско-имперского, советского и нового российского периодов. Существует ли триединство российской идейной истории фактически или оно возможно только в качестве умозрительной синтетической конструкции? Смысл этого постулата заключается в следующем.

Для нас отечественная социальная мысль в её истоках и эволюции важна не столько сама по себе, сколько в качестве фундамента для будущей российской социологии. Мы далеки от того, чтобы в духе сциентистского прогрессизма рассматривать прошлое как «низшую» ступень, якобы превзойденную и навсегда отброшенную последующим развитием в настоящем. Настоящее состояние российской социологии – лишь одна из некогда возможных альтернатив вчерашнего будущего, которая осуществилась. Тот факт, что какая-то идея (или идейный комплекс, идеология) пробилась к осуществлению и реализовалась, еще не означает, что из ряда возможных альтернатив она была оптимальной или наилучшей *сама по себе*, – он означает только, что именно ей удалось соединиться с поддержавшими её движущими силами истории и стать частью целого под названием «реальная история». Это она, реальная история, не знает сослагательного наклонения. Зато его хорошо знает история идей, открывающая заново в своих периодических «ренессансах» сущностные усмотрения тех или иных мыслителей прошлого, – усмотрения, которые находят применение в настоящем. Таким образом, в прошлом российской социальной мысли мы видим не просто предпосылку её настоящего, но и ценный идейный ресурс, который, будучи переосмыслен, может стать её неотъемлемой частью в будущем.

Проблемы, связанные с практически-исследовательской реализацией этого принципа, совершенно очевидны. Цивилизационно и культурно различные исторические эпохи, общественные системы, типы государственного устройства, международные обстановки, системы воспитания, образования, по-другому

сформированные личности и многое другое – все это раскалывает историческое сознание современного человека на три неравные, качественно разнородные части, создавая впечатление прерывистого или даже скачкообразного движения истории в нашей стране. Но «историческое сознание современного человека» – это сознание обыденное. Научно-историческое сознание выстраивается по-другому, оно качественно иное: там, где обыватель видит только разрыв и застой, историк может усматривать связь и движение, и наоборот. В свою очередь, философский взгляд на исторический процесс также имеет качественную специфику, не свойственную ни обыденному, ни научному сознанию.

Гипотетический статус этого принципа не исключает вероятность того, что он может оказаться не реализованным, так как не найдет фактического подтверждения в историческом исследовании. Тем не менее, установка на непрерывность и целостность в рассмотрении истории отечественной социальной мысли не лишена оснований. Если ход исследования покажет её несоответствие реальному положению исторических дел, то сам этот отрицательный результат также будет в некотором смысле полезен: верификация докажет, что какие-то факторы реальной истории (войны, революции, распад государства и т.п.) создали в определенный исторический период настолько неблагоприятные условия для социальной мысли, что её публичные декларации и письменные манифестации внутри страны прекратились. Но прервалась ли она сама, даже если прервались жизни людей, личности которых были её носителями? Если гипотеза не подтвердится, то описанная выше ситуация будет, наверно, заслуживать внимания: являя собой не обычный случай, она может высветить то, что в обычных случаях малозаметно.

Вторая проблема выражается вопросом «*что мы знаем о российской социальной мысли?*». Он может показаться странным тому, кто считает себя специалистом в этой области знаний, а, может быть, и является им. Но таких людей, увы, немного. Если отнести вопрос ко всем российским профессиональным социологам, тем более – к более широкому кругу социально-гуманитарных ученых, то странным он уже не покажется. Своеобразие истории отечественной социальной мысли состоит, как известно, в наличии двух радикальных разрывов «связи времен», которые страна пережила в XX веке. «...Наши культурные ценности, выработанные с середины XIX в. и вплоть до революции 1917 г., не прошли через стадию «естественного отбора», они были просто отброшены, запрещены и преданы забвению. Если бы этого разрыва не было, если бы Россия развивалась более мирным и «нормальным» образом, то мы к началу XXI века уже точно (или более или менее точно) знали бы, «кто есть кто», т. е. какое место занимает тот или иной мыслитель на той иерархической лестнице, которую представляет собой отечественная и мировая история. А пока – не знаем» [Сапов, 2019: 5]. Второй радикальный разрыв произошел с середины 1980-х и в начале 1990-х годов и еще не вполне осмыслен в своих предпосылках и последствиях.

Таким образом, вторая проблема перебивает первую, препятствуя её решению. Ведь методологическая проблема селекции исторического материала вторична по

отношению к проблеме культурно-антропологического, если не сказать онтологического, свойства, т.е. по сравнению с самим фактом знания или незнания. Чтобы выбрать одно из другого, надо сначала одинаково хорошо знать и то, и другое, а также достоверно знать, что и то, и другое полностью исчерпывают определенный предметный круг познания, и только потом устанавливать и применять критерии отбора, выделяя что-то приоритетное. Пока нет полноты знания, или собственно знания, – знания, вошедшего в плоть и кровь нашей современной культуры, – опрометчиво вообще отказываться от чего-либо. Надо представлять все направления социальной мысли, существовавшие в России, причем желательно во всех формах её культурного существования, включая религию, философию, правоведение, литературу, этнографию, мемуариистику, публицистику и др. Но такой всеохватывающий подход трудоемок и в короткие сроки не выполним.

Вторая проблема имеет и другой аспект, связанный с особенностями, а лучше сказать, болезнями российской национальной ментальности. Дело в том, что догматизированный в 1930-е годы марксизм создал в стране такую интеллектуальную ситуацию, в которой не только прервалась отечественная дореволюционная традиция социальной мысли, но и десятилетиями блокировался нормальный идейный обмен с зарубежьем. Незнание, недостаточное или искаженное знание того, что в культурах западных стран уже десятилетиями входило в общественную циркуляцию знания как нечто значимое, привело к культурному отставанию и ментальной вторичности в области социального познания, а также к неадекватному восприятию приходящих с опозданием ранее упущенных социологических знаний. Неадекватность эта имеет не столько индивидуально-психологическую причинность, – здесь она не так важна, – сколько социально-психологическую.

А именно, в общественном мнении сформировались устойчивые иллюзии и заблуждения относительно ценности упущенных знаний – как забытых отечественных, отвергнутых по идеологическим мотивам, так и раскритикованных по тем же мотивам западных. Эти иллюзии и заблуждения мешают произвести необходимую в таких случаях переоценку ценностей на основе *единства* национальной культурно-исторической традиции, ибо она сама оказалась под сомнением вместе с национальной идентичностью из-за разрыва этого единства. Сбой в переоценке ценностей привел к тому, что сегодня прошлые интеллектуальные достижения российского народа, как правило, недооцениваются, часто вообще третируются как бесполезный хлам, залежавшийся на свалке истории.

Между тем, достижения интеллектуалов Европы и США заведомо переоцениваются, отчасти благодаря их «импортному» происхождению и былой труднодоступности. В них видят уникальные образцы мыслительной деятельности, единственно достойные подражания. Раболепное преклонение перед Западом вообще и западной социологией, в частности, было институционализировано в Российской Федерации посредством правительственных реформ системы образования и академической науки – реформ, унижительных для национального достоинства

российских ученых. Эти реформы обрекают нас на вечных учеников и подмастерьев Запада в вечно догоняющей модернизации наших социологических знаний о некоем «универсальном обществе» с «универсальной культурой» и «универсальной историей». Если мы когда-нибудь и узнаем, в каком обществе живем, то уж точно не от российских социологов.

Третья проблема историографии российской социальной мысли выражается в вопросе «*как социология соотносится с историей социологии?*». Это сложная теоретико-методологическая проблема, которая имеет множество взаимосвязанных аспектов. Укажем на главные.

Во-первых, о какой бы дисциплине ни шла речь, её внутренних теоретических ресурсов никогда не бывает вполне достаточно, чтобы познать (идентифицировать) саму себя в культурно-историческом времени и социокультурном пространстве. Эти ресурсы предназначены для познания *внешних* по отношению к дисциплине реалий. Они достаточны для конструирования и использования служащего этой задаче методического и технического инструментария, для понятийной фиксации и интерпретации получаемых с его помощью результатов. Но они недостаточны для формирования *внутреннего* исторического дисциплинарного самосознания. Для него *необходимы ресурсы философии*. Философское познание тесно соприкасается с высшим уровнем теоретического знания всех дисциплин и имеет адекватный понятийный аппарат для выявления и уразумения тех мировоззренческих принципов, которые, как явствует из нашей характеристики первой проблемы, имманентны всякому социально-историческому исследованию.

Мы полагаем, что познание исторической динамики социологического знания не может оставаться только в рамках научно-объективистского индуктивного собирательства «значимых» событийных фактов и фактически реализованных персональных заслуг. Бесспорно, это важные предметные задачи. Но бессмысленно даже приступать к их выполнению, если заранее не иметь в виду, с какой целью их надлежит выявлять и изучать, в каком направлении выстраивать ряды фактов, в какой регистр какого накопителя социологических знаний встраивать персональные заслуги социологов. На эти вопросы можно найти адекватные ответы только в контексте *философии истории и социальной философии*.

Кроме того, поставленный выше вопрос требует понимания *специфики* познания и знания гуманитарных и социальных дисциплин в отличие от естественных. Естественные науки развиваются в безличной форме кумулятивного прогресса, частично отбрасывая свои прошлые воззрения как «ошибки» и «заблуждения» (к примеру, для современных физиков теории «эфира» или «флогистона» не интересны). Социальные и гуманитарные дисциплины развиваются иначе, поскольку в существенно большей мере обусловлены человечески-личностным фактором и особенностями национально-культурной почвы [Малинкин, 2014]. Для этих дисциплин их история представляет непреходящий живой интерес, поскольку при относительной неизменности предмета они имеют дело с постоянно меняющимся, т.е.

вовлеченным в историческое движение, объектом (человеческим социумом). Вот почему в прошлых социальных и гуманитарных воззрениях нет таких «ошибок» и «заблуждений», которые не могли бы понадобиться социологам и гуманитариям для лучшего понимания актуальных проблем общества или не превратились бы через какое-то время в «незаслуженно забытые» достижения.

Осмысление историчности как сущностной специфики социальных и гуманитарных дисциплин, их привязанности к неповторимым, культурно-уникальным и личностно обусловленным явлениям и событиям истории началось еще во второй половине XIX века, а в середине 1920-х годов получило концептуально-теоретическое оформление в немецкой философско-социологической мысли, прежде всего в историцизме и «социологии знания» [Малинкин, 2016]. «Социология знания» М. Шелера, «социология познания» и «социология социологии» К. Мангейма, – это, как известно, уже *не* социология, в её *традиционном позитивистском* понимании, а особая социальная философия и философия культуры. Особенность же её заключается в том, что она поднимается на высший уровень рефлексивного осмысления человеческой социальности, учитывая, помимо всего прочего, бытийную обусловленность сознания самого субъекта социального познания его определенным положением внутри исторически меняющегося социума. Социология знания усматривает в «Обществе» новый «центр систематизации» человеческого мышления о мире, пришедший на смену центрам «Бог» и «Природа» [Малинкин, 2015].

Сказанное выше означает, что *философски обоснована должна быть сама историографическая концепция*. Такое требование ориентируется на эпистемологический идеал взаимной дополнительности науки и философии как двух качественно различных видов познания и знания. Обращение социологии к философской методологии в историческом и социальном познании и их синтез в *философской социологии* ни в коей мере не умаляет значимости научного подхода – его необходимость и правомочность не подлежат сомнению. Но важно понимать его недостаточность в социально-гуманитарной сфере. Единственное, что должно быть отвергнуто – это *криптометафизическая претензия науки на исключительность*, а именно на её *исключительное право гарантировать достоверность результатов познания*, т. е. быть единственно верным и адекватным способом познавательного мироотношения человека (сциентизм).

Под философским обоснованием историографической концепции подразумевается, в частности, её *«реляционистское» самообоснование* (в смысле К. Мангейма). Оно требует только одного: чтобы принципы историографической концепции представляли собой внутренне связную непротиворечивую систему, которая в полной мере соответствовала бы созданной в результате картине исторической эволюции дисциплины, развернутой на основе *их* применения. Это означает, что концепций историографии и «историй» может быть много, но каждая из них будет «истинна» всегда лишь частично и относительно. Нет и не может быть историографической концепции, следствием применения которой стала бы абсолютно

объективная и истинная история, охватывающая прошлое во всей его полноте, ибо человеку – существу живому и социальному, а потому ограниченному природно, общественно и исторически, – не доступна позиция *sub specie aeternitatis*, как бы он к ней ни стремился.

Во-вторых, отношение социологии к своей истории было бы прозрачней и проще, если бы сама социология как дисциплина являла собой нечто единое и монолитное. В действительности, этого нет и в помине. Напротив, современная социология настолько внутренне разнородна, разнонаправлена и фрагментирована, настолько переполнена всякими междисциплинарными синтезами (в том числе, сомнительного рода), что её дисциплинарная идентичность становится со временем только все более проблематичной. Но это делает проблематичной и её историю. Поскольку нельзя объять необъятное, постольку приходится акцентировать внимание на основных направлениях социальной мысли, чему-то уделять больше внимания, чему-то меньше либо вообще не уделять. Но чем тогда должен мотивироваться и аргументироваться выбор? Что делает то или иное направление социальной мысли «основным»? И как эту тенденцию к самоограничению сочетать с указанной выше тенденцией к возможно более полному охвату всего, что имеет отношение к социальной мысли в России?

В марксистско-ленинской историографии магистральным направлением социальной мысли по понятным причинам объявлялось то, которое вело от Радищева, декабристов, Герцена к революционным демократам, народникам, Плеханову и, наконец, большевикам. С начала перестройки и в 1990-е это направление утратило свой «магистральный» статус, внимание было приковано к русской консервативной философской и социальной мысли конца XIX и начала XX вв. Однако это направление – славянофильское, почвенническое, духовное – не стало у нас из-за своей глубокой религиозности новой «магистралью». Причины понятны: оно не соответствует духу нашего времени, утилитаристскому и гедонистическому этосу периода реставрации *капитализма* с его культом Мамоны, с ориентацией на деньги и достижение успеха любой ценой, на безграничное и бесконечное потребительство. Все это у нас дополняется рабским отказом от свободы мыслить и действовать в духе отечественной национально-культурной традиции, чтобы «войти в европейскую семью народов» и наконец «интегрироваться в мировое сообщество».

Наверно, нам потребуется еще десяток-другой лет для осознания того, что практика получения лицензии от «Scopus» по сути не отличается от практики получения ханского ярлыка на княжеское правление; что тараканьи бега за *рейтингами индивидуальной успешности* ученых не только не способствуют свободному развитию российской социальной мысли, а, наоборот, препятствуют ему; что капиталистический взгляд на сферу культуры (а социальная мысль – её неотъемлемая часть) как на «отрасль экономики» в доктринах «экономики культуры», «экономики науки» и т.п. имеет на самом деле ряд *существенных* ограничений, которые делают его узко-секторальным, а в ряде отношений абсолютно неприемлемым.

В этой связи возникают вопросы, без ответа на которые не может обойтись российский историк российской социологии. Станут ли будущие историки социологии РФ оценивать персональные заслуги нынешних коллег, их профессиональные достижения по индексу Хирша или все-таки по их реальному вкладу в науку, т. е. по общепризнанному и общественно значимому? Не углубляют ли указанные выше западные технологии управления социальными и гуманитарными науками в России их теоретически-методологическую вторичность, и без того прискорбно глубокую? Не делают ли они потери в самостоятельности нашего социологического мышления невозвратными? Можно ли вообще говорить о новейшей истории социальной мысли в РФ именно как о «русской», если в ней не осталось ничего «русского», кроме географического названия местонахождения самих социологов?

Библиографический список

Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке / Вебер М. Избранные произведения. М.: «Прогресс», 1990. 808 с.

Вебер М. Наука как призвание и профессия / Вебер М. Избранные произведения. М.: «Прогресс», 1990. 808 с.

Малинкин А. Н. Гуманитарное знание в борьбе эпистемологических парадигм (к истории вопроса) / Гуманитарное знание и вызовы времени. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 108–124.

Малинкин А. Н. Социология знания / Большая Российская Энциклопедия. Т. 31. М.: РОССПЭН, 2016. С. 14–15.

Малинкин А. Н. Социология знания М. Шелера и К. Манхейма: сравнительный анализ методологий // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 175–186.

Сапов В. В. Социальная мысль России: прошлое, настоящее и будущее. 2019. (На правах рукописи). 7 с.